
**«НА ВЫБОРЫ СМОТРЕЛ КАК НА ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ...»:
РЕАЛИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ДВОРЯНСТВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(по материалам Среднего Поволжья)**

С.В. Першин

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
ул. Большевикская, 68, Саранск, Республика Мордовия, Россия, 430000

В статье рассматривается социально-политическое развитие дворянства Среднего Поволжья в первой половине XIX века. Исследовав особенности проведения дворянских выборов в Пензенской и Симбирской губерниях, автор устанавливает, насколько реальными были в российской провинции сословное самоуправление и представительство дворян в государственных структурах накануне Великих реформ.

12 марта 1801 г. тираническое правление Павла I, вызывавшее острое недовольство в кругах дворянства, было насильственно прервано. Взошедший на престол Александр Павлович предпринял ряд мер, направленных на восстановление дарованных благородному сословию прав и привилегий. 15 марта 1801 г. был отменен запрет дворянам избирать чиновников в уездные и земские суды. 2 апреля 1801 г. император подписал манифест о действительности положений Жалованной грамоты дворянству. 5 мая 1801 г. была подтверждена погубернская организация благородного сословия (1).

С этого времени к участию в работе дворянских собраний вновь стало привлекаться большинство российских потомственных дворян. Присутствовать на губернских собраниях могли все местные дворяне. Правом голоса обладали те из них, кто владел поместьем и был старше 25 лет, правом избираться на должности — получавшие со своих деревень не менее 100 руб. ежегодного дохода. Отстранялись от участия в деятельности сословных учреждений не достигшие 25-летнего возраста беспоместные, а также не состоявшие на службе или не получившие обер-офицерский чин дворяне.

На губернских собраниях, обычно проходивших 1 раз в 3 года, дворянами решались все важнейшие корпоративные дела: утверждались земские сборы и частные повинности, проводились выборы на должности губернского и уездного предводителей, депутатов и секретарей дворянских обществ, заседателей дворянских опеков и пр. Дворянское губернское общество назначало своих представителей в судебную палату, земскую полицию, кредитное и учебное ведомства. Через губернских предводителей или депутатов оно могло подавать прошения и жалобы губернатору, министрам и даже непосредственно императору (2).

На наш взгляд, анализ степени самостоятельности дворян при выборе руководителей самоуправления, их независимости от власти при выдвижении представителей в местные учреждения в первой половине XIX в. позволит качественно охарактеризовать сословный строй России.

В основе ряда современных концепций социальной истории России имперского периода лежит мысль о западноевропейском влиянии на конструирование

российского общества (3). В Западной Европе основными признаками сословия считались: 1) законодательное закрепление прав состояния, их наследственность и безусловность; 2) наличие сословной организации и самоуправления; 3) представительство в структуре государственного управления; 4) сословное самосознание и менталитет; 5) внешние признаки социальной принадлежности. В России окончательное правовое оформление сословия обрели с опубликованием в 1832 г. «Законов о состояниях». Исследовав особенности проведения дворянских выборов в первой половине XIX в., можно установить, насколько реальными были сословное самоуправление и представительство в государственных структурах накануне Великих реформ.

В связи с обширностью страны и разнообразием условий жизнедеятельности дворянства территориальные рамки изысканий намеренно ограничены. Данная работа основана на материалах Пензенской и Симбирской губерний, рассмотренных в качестве единого региона исходя из следующих их особенностей: распространенность дворянского землевладения и высокий процент крепостного населения (табл. 1); удаленность от центров политической жизни страны; существование тесных экономических и социально-культурных взаимосвязей между поместным дворянством указанных губерний.

Таблица 1

Дворяне и крепостные Среднего Поволжья в 1857 г., чел.*

Губерния	Помещиков, владеющих землей, населенной крепостными	Общее число крепостных	На одного владельца приходится крепостных	Общее число жителей мужского пола	Относительная численность крепостных в населении, %
Пензенская	2 139	262 520	122,7	561 302	46,7
Симбирская	1 770	211 415	119,4	533 792	39,6
Казанская	1 194	99 516	83,3	720 224	13,8
Самарская**	972	111 277	114,4	725 003	15,3
<i>Итого в европейской части России</i>	114 967	10 844 902	94,3	28 613 380	37,9

* Составлена по: *Тройницкий А.Г.* Крепостное население в России, по 10-й народной переписи. — СПб., 1861. — С. 7—8.

** В таблице не представлена Саратовская губерния, так как некоторыми исследователями она относится к области Нижней Волги. См., например: *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1963.

Проведенное исследование позволило установить, что соответствие процедуры дворянских выборов законодательству в первой трети XIX в. определялось расстановкой политических сил в губерниях. В зависимости от социально-экономического потенциала дворянства, авторитета и связей начальников губерний избрание либо являлось результатом волеизъявления большинства местного «благородного общества», либо проходило под контролем губернатора. Способ избрания, ведущие акторы, степень и формы их участия в выборном процессе со временем начинали представляться как часть местных социально-политических традиций.

В Пензенской губернии вмешательство губернского начальства в выборы дворян, судя по всему, стало нормой задолго до исследуемого периода. По све-

дениям, представленным в дневнике князя И.М. Долгорукова, еще в конце XVIII в., т.е. в то время, когда в провинции только начиналась реализация екатерининского социального законодательства, в Пензе уже отмечались факты его нарушений со стороны местных властей: «на каждое место, в губернских учреждениях показанное, кидали все белые шары в пользу того, кого приказывал избирать господин губернатор чрез губернских стряпчих. Сии, подходя к каждому дворянину, шептали на ухо, на которую сторону ящика при наименовании избираемого бросать раздаваемые им шары; воля начальника, таким образом сообщаемая, невидимо в выборах содействовала. Если же кто дерзал иметь свою собственную волю, то таковой притеснялся, назывался преступником закона и подвержен бывал за упорство нередко несчастью. Вот как сие делалось между дворянами! Потом г-н губернатор утверждал представляемых кандидатов... Выборы в три утра кончились, и без затруднения, ибо за месяц до оных уже по алфавиту имен г. Полдомасов назначил мысленно кому где быть, оставалось только дворянам раненько встать, столпиться в антресолях губернаторских и наметить зря кое-куды положенное число шаров, а уже при рассортировке их ведал про то суфлер всей этой комедии г. Полдомасов, по скольку белых или черных на чей счет попадать надлежало. Вот как иногда сами государи выбором местона начальников в государстве своем подвергают наилучшее свое узаконение не только недоразумению и оттого вреду, но даже и посмеянию людей просвещенных» (4).

В первые десятилетия XIX в. распоряжение пензенским губернатором дворянскими должностями стало делом обыденным. В воспоминаниях служившего в начале 1820-х гг. в Пензенской губернии И.И. Мешкова находим описание того, как благодаря покровительству губернатора ему удалось уволиться с должности депутата недавно созданной квартирной комиссии. Губернатор Ф.П. Лубяновский предложил своему протеже более выгодное место дворянского заседателя в пензенском уездном суде: «Жалованье по этой должности было самое ограниченное, но при крайних своих обстоятельствах, я принужден был согласиться тем больше, что губернатор, по благорасположению своему, обещал мне дать и другое место, если представится к тому случай» (5).

Власть губернатора в Пензенской губернии еще более усилилась при А.А. Панчулидзе. Опытный политик и администратор, руководивший вверенной ему губернией 28 лет, с целью упрочения влияния на дворянское общество умело использовал метод «кнута и пряника»: значительную часть собственных доходов тратил на «увеселения и угощения» дворянства (6); отдавал приказы об аресте служащих в местных учреждениях дворян, повинных в самых незначительных проступках (7).

Продвигая своих людей на выборные должности, А.А. Панчулидзев предпочитал действовать скрытно, не привлекая внимания высших инстанций. В документах пензенского дворянского собрания описывается процедура проводимых в полном соответствии с законами выборов. По сведениям же выдвигавшегося в 1849 г. на пост пензенского уездного предводителя И.В. Селиванова, результаты этого баллотирования были подтасованы («кассированы») по распоряжению А.А. Панчулидзе. В следующем году вследствие доноса И.В. Селива-

нов был арестован, обвинен в распространении революционных идей и сослан на 10 месяцев в Вятку (8).

Примером совершенно иного рода отношений между властью и дворянским обществом может послужить Симбирская губерния. Стремившиеся сохранить всю полноту сословных прав симбирские дворяне в первой трети XIX в. не позволяли губернскому начальству определять дворян по собственному усмотрению даже на самые незначительные должности. Например, 31 июля 1820 г. Сенат, рассмотрев жалобу симбирского дворянства о назначении губернским правлением дворянина наблюдать за купеческой фабрикой, постановил считать действия местного руководства неправомерными (9).

Осуществлявший в 1834—1839 гг. по поручению шефа Корпуса жандармов надзор за Симбирской губернией Э.И. Стогов, неоднократно подчеркивавший в мемуарах собственную значимость и решительность, проявленную при наведении «общественного порядка и спокойствия» (даже если дело касалось первых лиц губернии), в то же время признавал, что не вмешивался во внутренние дела дворянской корпорации: «Наступили дворянские выборы, съезжалось дворян до 300. Великодушных (более 100 душ) в губернии было много. Выборы обыкновенно были шумны, бывали и серьезные ссоры, но я не мешался. Я на выборы смотрел как на дело семейное, сегодня ссорятся, а завтра мирятся — только не мешать» (10).

Анализ источников позволил установить, что успех симбирских дворян в отстаивании права на свободное волеизъявление был связан с более четко оформленным сословным самосознанием, а также со специфическими чертами менталитета местных дворян. Император Николай I, отметив распространенность на данной территории помещичьих хозяйств, владельцы которых рано уходили в отставку, занимались домашним хозяйством и редко продвигались по государственной службе, назвал Симбирскую губернию «губернией отставных корнетов и прапорщиков» (11). Уже упоминавшийся жандарм Стогов писал: «В других губерниях дворяне могут быть также благородно горды, но так дружна и единодушна вся масса общества, как общество симбирское, едва ли где есть» (12). Среди обывателей за самим Симбирском в то время прочно закрепились эпитеты «дворянское гнездо» и «дворянский лабаз» (13). В отличие от поволжских городов, в которых все более значимые позиции в первой половине XIX в. занимали высшие чиновники царской администрации и богатые купцы, «благородное общество» Симбирска составлялось только из потомственных дворян.

Во многом именно от характера отношений с элитой симбирского дворянства зависел успех деятельности самого губернатора. Неприятие нового начальника могло обернуться для последнего многочисленными доносами и обращениями в высшие инстанции. Достаточно показательно то, что на протяжении почти всей первой трети XIX в. губернское собрание возглавляли два предводителя — статские советники А.Ф. Ермолов и М.П. Баратаев, а губернаторов за это время сменилось более десятка. Конечно, в сложившихся условиях ни о каком вмешательстве губернского начальства в сословные дела не могло идти и речи.

Начало правления Николая I ознаменовалось повышением избирательного ценза и усилением контроля над деятельностью дворянских собраний.

Пытаясь подвергнуть тщательному и всестороннему анализу состояние общества (в первую очередь, наиболее близкого самодержавию сословия — дворянства) после событий 14 декабря 1825 г., Его Императорское Высочество «всемилоостивейше соизволили разрешить Губернским Предводителям дворянства представить о нуждах онаго» (14).

В донесениях средневожского дворянства особое внимание уделялось проблеме выборов. В письме симбирского предводителя князя М.П. Баратаева в 1827 г. указывалось на необходимость ограничения избирательных прав вписываемых в дворянские родословные книги малоимущих дворян. М.П. Баратаев писал о том, что определенные в дворянство, объявляя 100 рублей дохода, приобретают равные с «древнейшей» симбирской знатью избирательные права. По сведениям симбирского предводителя, упомянутая группа дворян, «нося на себе одно титуло онаго, не содействует ни в каких Дворянских повинностях, а потому все оне лежат на тех Дворянах владельцев посредственного состояния, которые проживают в Губернии» (15).

Симбирские дворяне заявили о необходимости сравнения выборных должностей с государственной службой (присваивание чинов, выделение государством средств для материального поощрения): «И как служба предводителей, а паче уездных, становится уже вместе и коронною и Дворянской, и во многих случаях делает из сих благородных и мирных попечителей о сирых и вдовцах, больше полицейское орудие начальства, то по сему, как требующия больших издержек, против прежняго круга действий по Учреждению Губерний, оныя должности и не могут быть наградою и уделом дворянина небогатаго, хотя в протчем достойнаго: ибо они отвлекут его от времени и способов обстоятельно заняться своим хозяйством, необходимо нужным для поддержания себя во время служб» (16).

Сообщая о фактах объединения в судебных учреждениях прибывших из других губерний чиновников, личных дворян с заседателями от горожан с целью осуждения местных родовитых дворян и нарушения тем самым принципа «Благородный судится себе равными», симбирские дворяне высказались о необходимости по примеру малороссийских губерний доверить выбор председателей в судебные палаты дворянству (17).

6 декабря 1831 г. император подписал манифест, которым было признано необходимым в связи с жалобами дворянства скорректировать законодательство о дворянских выборах. Также данным законодательным актом провозглашалась зависимость должностей председателей губернских судебных палат от дворянских собраний (18).

По введенному впоследствии новому положению участие мелкопоместного дворянства в дворянском самоуправлении было существенно ограничено. Посещать губернское собрание разрешалось всем потомственным дворянам губернии, принимать же решения могли только представители благородного сословия, имевшие, по крайней мере, первый классный чин и недвижимость в пределах губернии. Согласно вновь установленному цензу правом выбора должностных лиц

наделялись дворяне, владевшие не менее 100 душами крепостных или 3 270 десятинами земли. Имущественный ценз для получивших на военной службе чин полковника, а на гражданской — действительного статского советника был снижен до 5 душ или 100 десятин. Из дворян, в собственности которых числились 5—99 душ крепостных или от 164 до 3 270 гектаров земли, составлялись участки, посылавшие на собрания представителей с полным избирательным правом. В то же время выборная служба была уравнена с действительной государственной и были снижены требования к лицам, избираемым на низшие должности (19).

Описанные изменения законодательства определили то, что к середине XIX столетия лишь малая часть проживавшего в провинции дворянства обладала всей полнотой сословных прав (табл. 2).

Таблица 2

Права дворянства Пензенской и Симбирской губерний в 1849 г., чел. об. п.*

Категория дворянства	Пензенская губерния		Симбирская губерния	
	абс.	отн.	абс.	отн.
Потомственные дворяне, обладающие правом голоса на выборах	184	4,8	256	4,1
Потомственные дворяне, не имеющие права голоса на выборах	2 314	60,2	4 088	66,4
Личные дворяне	1 348	35,0	1 816	29,5
Итого	3 846	100,0	6 160	100

* Составлена по: Статистические таблицы, составленные в статистическом отделении Министерства внутренних дел, из сведений за 1849 год. — СПб., [б. г.]. — Табл. 3.

Пойдя на определенные уступки состоятельному (а значит, благонадежному) потомственному дворянству, критически относившийся к екатерининским сословным учреждениям Николай I вместе с тем предпринял ряд мер, направленных на усиление контроля над дворянскими обществами. 27 декабря 1829 г. был опубликован указ, предписывавший губернским прокурорам присутствовать на дворянских выборах с целью соблюдения законности (20). Манифестом от 6 декабря 1831 г. устанавливалась процедура утверждения самодержцем выбранных губернскими собраниями предводителей. В дальнейшем неудобные власти дворяне отстранялись от руководства дворянскими собраниями. Так, уже упоминавшийся князь М.П. Баратаев, прослуживший пять трехлетий предводителем симбирского дворянства, после корректировки нормативно-правовой базы был вынужден завершить общественную деятельность.

В целом, лишение основной массы потомственного дворянства избирательных прав и исполнение выборными от дворянства чиновниками административно-полицейских функций свидетельствуют о постепенной трансформации во второй трети XIX в. общественных институтов в государственные структуры. К середине XIX в. российское дворянство, по сути, уже не обладало рядом важнейших признаков сословия. В связи с этим вполне допустим вывод о том, что демонтаж сословной системы в России начался намного раньше Великих реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Яблочков М. История дворянского сословия в России. — СПб., 1876. — С. 385—586.
- (2) Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. XXII. — № 16187.
- (3) Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX вв.). — М., 1999. — Т. I.
- (4) Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющиеся случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мной связь и к собственной истории моей уважительное отношение. — СПб., 2004. — Т. 1. — С. 307—308.
- (5) Мешков И.И. Записки Ивана Ивановича Мешкова / Публ. Б.Л. Модзалевского // Русский архив. — 1905. — Кн. 2. — № 6. — С. 240.
- (6) Ходнев В. Записки пензяка // Сура. — 1997. — № 1. — С. 181.
- (7) Инсарский В.А. Половодье. Картины провинциальной жизни. — СПб., 1875. — С. 51.
- (8) Селиванов И.В. Записки дворянина-помещика, бывшего в должности преподавателя, судьи и председателя палаты // Русская старина. — 1880. — № 6. — С. 291, 296, 299, 300, 314.
- (9) Яблочков М. История дворянского сословия в России. — СПб., 1876. — С. 587—588.
- (10) Стогов Э.И. Записки, рассказы и воспоминания // Русская старина. — 1878. Дек. — С. 647; 700.
- (11) Егоров (Конспаров) А. Страницы из прожитого. — Одесса, 1913. — С. 99.
- (12) Стогов Э.И. Записки, рассказы и воспоминания. — С. 647; 700.
- (13) Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: в 25 т. Т. 20. Симбирская губерния / Сост. Липинский. — СПб., 1868. — Ч. 2. — С. 714.
- (14) Государственный архив Ульяновской области. — Ф. 656. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1а (далее — ГАУО).
- (15) Там же. — Л. 7.
- (16) Там же. — Л. 9.
- (17) Там же. — Л. 5.
- (18) Там же. — Д. 34. — Л. 1—1 об.
- (19) Яблочков М. История дворянского сословия в России. — С. 631—634.
- (20) Там же. — СПб., 1876. — С. 631.

**THE REALIZATION OF ELECTORAL RIGHTS
OF THE NOBILITY IN THE FIRST HALF
OF THE 19 TH CENTURY
(on materials of Middle Volga region)**

S.V. Pershin

The Mordovian N.P. Ogarev State University
Bolshevistskaya str., 68, Saransk, Republic Mordovia, Russia, 430000

The article deals with the social-political development of Middle Volga nobility in the first half of the 19 th century. After studying the peculiarities of nobility elections in Penza and Simbirsk provinces, the author determines the reality of class self-government and nobility representation in state institutions in Russian province on the eve of the Great Reforms.